Андрей Десницкий

Типичные ошибки экзегетов

Экзегетический анализ, призванный точно определить значение того или иного библейского отрывка, — достаточно сложный процесс. Разными могут быть теоретические основания, методы, задачи, убеждения исследователя, наконец. Поэтому написать некоторую инструкцию для экзегетов мало реально, зато несложно указать на несколько наиболее характерных ошибок: как не надо поступать[1]. Поэтому в этой статье я хотел бы предложить вниманию читателей краткий обзор наиболее типичных погрешностей, а то и злоупотреблений, которые часто встречаются в экзегетических работах разного рода.

Обычные погрешности и манипуляции

Большинство ошибочных суждений при экзегетическом анализе не содержит в себе ничего особенного — это банальные погрешности, а порой и сознательные манипуляции, основанные по преимуществу на нарушении законов логики. Точно так же выглядят эти ошибки во многих других областях человеческой деятельности, где требуется рассуждать; особенно ярко это проявляется в политике. Не стоит сейчас говорить о них долго и подробно, но назовём хотя бы несколько наиболее типичных случаев.

Прежде всего это жонглирование вырванными из текста цитатами. Библия утверждает, например: нет Бога (на самом деле она вкладывает эти слова в уста безумца, Пс 9:25; 13:1; 52:2). Конечно, не всегда вырывание цитаты из контекста настолько смехотворно, но нечто подобное мы, к сожалению, видим и во множестве богословских споров, когда отдельные библейские цитаты используются как абсолютные исчерпывающие определения истины, а другие цитаты, которые с таким определением не согласуются, просто игнорируются или списываются со счетов (“это надо понимать иносказательно, в свете других слов” и т. д.).

Далее, это произвольное проведение причинно-следственных связей. Разновидностей тут может быть очень много. Например: известно, что подавляющее большинство умерших людей незадолго до смерти употребляли в пищу огурцы, значит, огурцы смертельно опасны. На самом деле мы знаем, что в огурцах ничего опасного нет, и потому понимаем, насколько нелеп вывод, и видим ошибку в построении силлогизма. Прежде чем говорить об опасности огурцов, следовало бы провести клиническое исследование, сравнив уровень смертности в двух группах людей, совпадающих по всем параметрам, кроме огуречного.

Но подобные логические ошибки встречаются и у экзегетов. Например, Павел проповедовал в Афинах (Деян 17), а затем писал коринфянам: я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого (1 Кор 2:2), и из этого делается вывод: в Афинах Павел попробовал говорить с греками на языке их философов, и у него не вышло основать там общину верующих, а когда в Коринфе он отказался от философии, то всё сложилось удачно. Но Павел, по-видимому, не связывал напрямую успех или неуспех проповеди с употреблением “огурцов”, то есть философских терминов, результат мог зависеть и от тысячи иных причин. Да и что считать успешной проповедью, в конце концов? Деян 17:34 ясно указывают, что даже единственное выступление Павла на Ареопаге привлекло к вере несколько язычников, а в Коринфе Павлу пришлось провести полтора года (Деян 18:11), чтобы там возникла община! Это вообще две очень разные ситуации, и сравнивать их не стоит, и более того, Павел их явно не пытается сравнивать сам. Иными словами, когда экзегет рассуждает об афинском провале и коринфском успехе, он явственно исходит из двух самоочевидных для него оценок: (1) успешна только та проповедь, которая приводит к немедленному обращению многих людей; (2) греческая философия бесполезна для христиан, — и все рассуждения просто приводятся в поддержку этих заранее заданных выводов.

---

1 Часть примеров заимствована из обзора типичных экзегетических ошибок — Carson D. A. Exegetical Fallacies. Grand Rapids, 1984. Источники, из которых взяты сами ошибки, не называются здесь намеренно: смысл статьи не в том, чтобы оспорить ряд конкретных положений конкретных авторов, а в том, чтобы указать на общие и распространённые ошибки.

Ещё один вариант — ложная альтернатива, когда рассуждения строятся на непременном противопоставлении двух крайних точек зрения, между которыми якобы не может быть ничего среднего. Например, фундаменталисты обычно исходят из такой альтернативы: либо каждое выражение Библии следует понимать как истинное в самом прямом смысле слова, либо Библия вообще не есть истинная книга. Мысль о том, что истина может быть выражена не только буквально, но и с помощью образной речи, на самом деле прекрасно им известна, ведь не воспринимают же они явные метафоры буквально! Если Христос называл Себя дверью (Ин 10:7) или лозой (Ин 15:1–5), не являясь ими в прямом и буквальном значении этих слов, то и дни творения могли быть чем-то иным, нежели промежутки времени по 24 часа. Образная речь вообще нередко становится предметом злоупотреблений: можно придавать метафорам строго буквальное значение, а можно, наоборот, сводить всё к метафорам, тем более что граница на самом деле не всегда ясна. Особенно часто ложная альтернатива приводится, когда требуется доказать некую спорную точку зрения. Тезис “эта стена — белая” часто доказывается так: “ну неужели же она чёрная!”. На самом деле она может быть и серой, и жёлтой, и красной, и даже разноцветной или покрашенной в несколько слоёв.

Прекрасно известны и такие полемические приёмы, как доведение логики оппонента до абсурда (“значит, по-вашему получается, что…”), или нападки на его личность (“поскольку так рассуждает человек заведомо неблагочестивый, мы не можем с этим согласиться…”), или эмоции вместо доводов (“как это ужасно!”), и бездоказательные ссылки на авторитет (“великий N доказал, что…”) или на якобы бесспорные факты (“всем известно, что…”), да и многое иное. Знакомы нам и сомнительные аналогии, когда исследователь приводит некий образ, а потом рассуждает уже о нём, а не о предмете своего исследования, и автоматически переносит всё, что относится к образу, на этот предмет, и неразборчивое копирование комментариев, когда чьи-то выводы принимаются вслепую, без анализа их доказательств, и в результате самые нелепые идеи переходят в разряд очевидностей. Есть и обратная крайность: полёт фантазии, когда исследователь даже не пытается посмотреть, что и кем было написано на эту тему прежде. Сейчас ограничимся лишь общим замечанием: да, они есть, их много, они хорошо известны, и тем не менее многие часто попадаются в эти логические ловушки. Избежать их нетрудно, нужны лишь интеллектуальная честность и внимательность к мелочам.

Ну, а мы теперь перейдём к специфическим ошибкам экзегетов.

“В оригинале употреблено слово…”

Сколько раз нам доводилось читать или слышать подобную фразу! Она звучит как не подлежащий обжалованию приговор: все переводы неизбежно оказываются приблизительными и обращение к языку оригинала уж совершенно точно должно развеять все сомнения. Но откуда мы узнаём, что означает то или иное слово оригинала? Из словарей или других переводов, то есть из таких же вторичных источников, что и наш перевод.

А самое главное, что слишком многие слова в любом языке имеют разнообразные значения, употребляются порой в переносном смысле и т. д. В результате в словаре можно найти порой довольно оригинальные значения для хорошо, казалось бы, знакомых слов… Есть такое понятие — “перевод по словарю”. Обычно им занимаются не слишком продвинутые студенты: выписывают значение каждого слова из словаря, а затем стараются составить из получившихся слов осмысленное предложение. Иногда так переводят и Библию.

Вот, например, как звучит в Синодальном переводе прекрасно всем известное начало книги Екклезиаста (1:2–4): *«Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, — все суета! Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем? Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки».* А вот как звучат те же стихи в одном из современных русских переводов, опубликованных в интернете: *“Поэтому, обманывая клеветников, называем Екклесиастом того, об устремленьях которого как о пустых они пустословили, и что полезнее людям, несчастья претерпевающим, подобный солнцу костёр, который странствующих по шару станет приводить к земле, где стоять будет вечно”*. Переводчик воспользовался словарем и фантазией…

Впрочем, это, конечно, крайность. Но не так уж и редко доводится слышать рассуждения о библейских текстах, построенные исключительно (или почти исключительно) на словарных определениях тех или иных слов. Прежде всего, это представление о том, что этимология слова полностью определяет его значение (чернила бывают только чёрные, мухоморами морят мух). Порой

речь идёт даже не об этимологии в собственном смысле слова, а скорее о созвучии или совпадении корней.

Но дело не только в этимологии. Нередко то или иное слово или выражение в библейских языках понимается как термин со строго определённым значением. Наверное, нет такого человека, который не слышал бы, что в Новом Завете христианская любовь обозначается особым словом: это существительное ἀγάπη и однокренной глагол ἀγαπάω. Другие виды любви якобы обозначаются другими словами. Однако на самом деле мы видим, что в Ин 3:35 и 5:20 глаголы ἀγαπάω и φιλέω употребляются как точные синонимы, без какого-либо различия. Более того, в греческом тексте 2 Цар 13 глагол ἀγαπάω означает страсть Амнона к его сестре Фамари, приведшую к изнасилованию, а в 2 Тим 4:10 он же обозначает любовь к “нынешнему веку”, из-за которой спутник апостола Павла оставил его — вот уж точно ничего христианского в этих чувствах не было!

Нередко подобная терминологизация связана и с анахронизмами: библейским словам присваиваются те значения, которые эти же слова получили в более позднее время. Так, в Новом Завете мы встретим диаконов, пресвитеров и епископов, но, разумеется, эти люди и выглядели несколько иначе, чем выглядят сегодняшние православные диаконы, пресвитеры и епископы, и роль их в общине была не точно такой же, потому что весь строй церковной жизни сильно отличался от современного. Судя по всему, пресвитеры и епископы в те времена мало различались, а возможно, этими словами называли одних и тех же руководителей общин. Во всяком случае мы нигде не найдём в Новом Завете представления о епископе, которому подчиняются все пресвитеры в границах его епархии. Это совершенно не означает, что нужно отменить современную православную иерархию или что она плоха; это лишь означает, что в Новом Завете в современном виде её нет, как нет там и многих других проявлений церковной жизни, которые мы находим сегодня в самых разных деноминациях.

Еще одна разновидность “словарного подхода” — присвоение словам и выражениям оригинала значений, которые они в принципе могут иметь, но в данном контексте явно не имеют. Например, в Исх 32:28 рассказывается о том, как после сотворения золотого тельца левиты с мечами прошлись по всему лагерю, и пало в тот день из народа около трех тысяч человек. Поскольку очень не хочется думать, что левиты убивали своих соплеменников, можно предположить, что речь идёт об их нравственном падении и что левиты на самом деле призывали их к покаянию, но если обратить внимание на ближайший контекст, то такое толкование будет выглядеть совершенно фантастическим. К сожалению, эти люди всё-таки погибли от руки левитов.

“В оригинале употреблена конструкция…”

Подобный подход может применяться и к грамматическим формам и конструкциям: они якобы имеют строго определённое значение. Например, в греческом аорист всегда означает однократное действие, а имперфект — продолжительное или повторяющееся. На самом деле можно привести множество примеров, где это не так[2], и мы знаем это на примере русского языка, где есть довольно близкая аналогия: совершенный и несовершенный вид. Можно сказать я читал эту книгу, и это будет означать однократное законченное действие (хотя употреблён несовершенный вид), а можно сказать я пошёл домой, и это будет означать начало действия с неопределённым концом (хотя вид употреблён совершенный).

То же самое касается среднего и страдательного залога в греческом (аналог русских возвратных глаголов) и глагольных пород в еврейском. Да, разумеется, у глагольных форм есть определённое значение, их употребление не случайно. Но разница между я читал эту книгу и я прочитал эту книгу, между я пошёл домой и я ухожу домой вовсе не в том, как именно человек читает или уходит, а скорее в способе представления информации. Высказывание я прочитал, в отличие от я читал, подчёркивает, что книга была прочитана полностью (вероятно, совсем недавно), и теперь, например, её можно вернуть в библиотеку. А высказывание я пошёл, в отличие от я ухожу, обычно означает, что человек уже стоит в дверях. Но во многих случаях эти высказывания будут совершенно синонимичны.

---

2 Carson D. A. Указ. соч. С. 70–71.

Мы чувствуем эти тонкости только потому, что сами говорим на русском языке, но многие подобные нюансы в употреблении греческих или еврейских форм и конструкций от нас явно ускользают. Поэтому не стоит торопиться с утверждением, что аорист ἥμαρτον в Рим 5:12 (все согрешили) обязательно означает лишь однократное грехопадение праотца Адама и более ничьё, или что μετανόησον в Откр 3:19 (покайся) позволяет лишь однократное покаяние на протяжении всей жизни. Может быть, так, а может быть, и нет, но употребление самих этих грамматических форм ещё ничего не доказывает.

Особенно неубедительно выглядят доводы, основанные на употреблении служебных слов (артиклей, древнееврейского показателя прямого объекта את): разумеется, они употребляются не произвольно, тут есть определённые правила и тенденции, но они могут легко нарушаться, особенно в ветхозаветной поэзии, где частота употребления этих служебных слов вообще заметно ниже, чем в прозе. Да и в прозе артикли употребляются всё же не по таким строгим правилам, как в современных европейских языках, причём это относится в равной мере и к древнееврейскому, и к древнегреческому языкам. Что бы ни означало выражение из Ветхого Завета сыны Божии, трудно обнаружить какую бы то ни было разницу в значении между этим выражением с артиклем (בני האלהים, как в Иов 1:6) и без него (בני אלהים, как в Иов 38:7).

“В Библии точно сказано…”

Казалось бы, что может быть надёжнее, чем прямо и непосредственно следовать тому, что сказано в Библии? Но на самом деле не всегда это возможно сделать так просто, сначала нужно определить степень точности высказывания. Например, книга Исход описывает, как от моровой язвы *«вымер весь скот Египетский»* (9:6). Итак, Библия ясно учит: у египтян не осталось совсем никакого скота. Но тут же мы читаем, как на вполне живом их скоте появляется воспаление» (9:10), затем скот гибнет ещё и от града (9:25), и, наконец, погибает «все первородное от скота» (11:5). Стало быть, слова «весь скот» в Исх 9:6 можно понять только как преувеличение (ср. выражение из нашей повседневной речи: «все деньги тратит на выпивку»). Разумеется, это относится и ко многим другим случаям метафорической и иной образной речи.

Также нужно проверять, насколько точно сам толкователь приводит аргументы, не расширяет ли он, не сужает ли границ того, что упомянуто в тексте. Так, в Деян 6:1–6 упомянуты семь человек, которые были диаконами. Библейский текст ясно показывает, что они были назначены «пещись о столах», то есть заниматься благотворительной деятельностью. Нигде, впрочем, не сказано, что их обязанности этим и ограничивались, но нигде не сказано и обратное. Есть мнение, что поскольку некоторые из этих людей публично проповедовали и крестили обратившихся, то проповедь и крещение тоже входили в круг обязанностей диаконов. Но ведь ни из чего не следует, что проповедовавшие занимались этим именно в качестве диаконов, и у нас даже нет свидетельств, что этим занимались все диаконы. Правомерен будет только один вывод: диаконам не возбранялось проповедовать и крестить.

“Библейскому мировоззрению соответствует…”

Как уже было сказано не раз, контекст исключительно важен. Но и контекст может стать источником ошибок и манипуляций, особенно контекст в широком, историко-культурном смысле как совокупность представлений и убеждений автора и его первых слушателей или читателей. Конечно, мы можем с уверенностью утверждать, что они, например, верили в Бога и ничего не знали о современной науке, что основной повседневной пищей был хлеб, а передвигались люди пешком либо на ослах и верблюдах. Но многие тонкости нам недоступны, мы можем лишь приблизительно догадываться, каким видели мир люди того времени, как они относились к некоторым явлениям. Тем более что люди тоже были разными.

Отсюда вытекает первая ошибка такого рода: создание некоей целостной системы, условно говоря, “библейского мировоззрения”, которую якобы разделяли абсолютно все библейские авторы и положительные персонажи, причём в одной и той же редакции. Например, любые упоминания “богов” в Ветхом Завете, кроме обличения язычества, истолковываются как-то иначе (например, это сильные люди или ангелы) на одном-единственном основании: для “библейского мировоззрения” существует только Единый Бог. Может быть, и так, но тогда придётся признать, что этого самого

мировоззрения не придерживались многие библейские герои, а то и авторы. Например, в Суд 11:24 послы израильского судьи Иеффая говорят царю аммонитян: *«Не владеешь ли ты тем, что дал тебе Хамос, бог твой? И мы владеем всем тем, что дал нам в наследие Господь Бог наш»*. И автор ничуть не возражает против такого сравнения Господа с языческим богом. Пожалуй, стоит признать, что по крайней мере для Иеффая и его послов Хамос был не менее реален, чем Господь, другое дело, что только Господь был Богом Иеффая, только Ему он готов был принести в жертву собственную дочь.

Другая крайность — выделение ветхозаветной и новозаветной картин мира, или же “иудейской и эллинской ментальности”, которые оказываются противопоставлены друг другу даже на уровне языка. Например, тот факт, что в древнееврейском языке нет среднего рода, но есть мужской и женский, преподносится как подтверждение того, что семитам свойственно воспринимать весь окружающий мир как живой. Нет сомнений, что разным культурам присущи некоторые различия в мировосприятии и что язык в некоторой степени отражает эти особенности, но это отражение всегда достаточно опосредовано, проводить однозначные и прямые связи между явлениями языка и особенностями менталитета довольно рискованно. Если средний род — обязательно нечто неживое, то как быть с русским словом ‘дитя’ или с немецким ‘das Kind’? Значат ли они, что для русского или немецкого менталитета дети относятся к неживой природе?

Нередко при анализе новозаветных текстов исследователи предполагают, что на самом деле греческие слова употреблены в них как своеобразная замена слов еврейского языка: δικαιοσύνη имеет то же самое значение, что и צדקה ‘праведность’ и т. д. Это может быть действительно так, но нельзя принимать это за очевидность. Впрочем, ещё менее адекватной будет попытка принять за отправную точку некое “библейское” определение праведности (основанное прежде всего на посланиях Павла) и автоматически “вчитывать” его в текст каждый раз, когда там встречаются слова δικαιοσύνη и צדקה. Каждое из этих слов имеет целый спектр значений, отчасти они пересекаются друг с другом (и с русскими словами праведность и оправдание), но отчасти и отличаются друг от друга (а тем более от соответствующих русских слов), поэтому всегда нужно учитывать контекст и особенности словоупотребления данного автора.

Особая статья — привлечение параллельных мест. Конечно, обращение к параллельным местам из Библии или даже из других источников часто помогает понять смысл неясного выражения. Но стоит сравнить два разных издания, чтобы убедиться: параллельные места могут указываться очень по-разному, и нет ничего проще, чем выбрать из всего множества потенциальных параллелей одну-две, которые подходят для доказательства тезиса исследователя, оставив без внимания все остальные. Самый простой и вместе с тем продуктивный способ — в случае сомнений относительно значения какого-то слова посмотреть, где ещё в Библии употребляется это слово и в каком значении (а если речь идёт о Новом Завете, можно обратиться и к другим текстам на греческом). Однако обязательно следует учесть все случаи, когда употребляется это слово, а не только один-два подходящих. Кроме того, стоит помнить, что значения слов могут изменяться со временем, и даже в один момент времени слова могут употребляться по-разному в текстах разных жанров и у разных авторов, так что если какое-то слово встречается в определённом значении у Гомера или у византийских богословов, это мало помогает нам определить его значение в Новом Завете.

“А на самом деле там происходило вот что…”

С подобным вниманием к особенностям менталитета связана любовь к реконструкциям. В самом деле, чтобы понять точное значение библейского текста, нам просто необходимо бывает чётко представить себе, что именно там происходило и почему оно происходило именно так. К сожалению, далеко не всегда это можно сделать с достаточной степенью достоверности (особенно в том, что касается Ветхого Завета), и здесь исследователю нужна немалая степень трезвости и скромности, чтобы отделить собственные фантазии от достаточно вероятных построений.

Пример такой спорной и ничего не проясняющей реконструкции — вопрос о том, как именно состоялся переход израильтян через море. Было ли это действительно Красное море, воды которого, вопреки законам физики, разошлись и стали стеной? Или это были некие болота в районе нынешнего Суэцкого канала, которые при соответствующих погодных условиях могли превращаться из легко проходимых в гиблые топи? В любом случае библейский текст понимает это событие как чудо, а конкретный механизм чуда вряд ли может быть раскрыт.

Много таких реконструкций выстраивается на лингвистическом материале. Например, в Ветхом Завете встречаются слова и выражения, которые употреблены всего 1–2 раза, и выяснить их точное значение невозможно (при чтении Нового Завета всё же помогают другие тексты, написанные на древнегреческом языке). Один из самых распространённых способов — найти однокоренное слово в других семитских языках, например, угаритском или даже аккадском. Насколько достоверны такие реконструкции, можно представить на следующем примере: если мы попробуем определять значения русских слов по словарям болгарского или польского языка, многие слова мы поймём правильно, но и ошибок будет немало, и мы никогда не можем быть уверены в том, что польское значение совпадёт с русским.

“Автор, безусловно, имеет в виду…”

Нередко подобные реконструкции истории текста призваны прояснить авторскую позицию. Почему, например, евангелист Матфей приводит деталь, которую опускает Лука, или наоборот? Здесь, как и в случаях с реконструкциями, некоторая доля таких рассуждений просто необходима, но трудно бывает вовремя остановиться.

Немало таких рассуждений возникает и при попытках объяснить возникновение и развитие того или иного текста (прежде всего Евангелий), о чём было сказано в предыдущей главе. Безусловно, такие догадки могут быть интересны и полезны, но когда текст единой книги препарируется, из него лишь отдельные элементы берутся в качестве значимых, а остальные объявляются поздними и недостоверными, то главным критерием выбора неизбежно становится произвол исследователя. Например, для школы “демифологизации” по Р. Бультману одним из основных критериев при анализе Евангельских текстов служит ожидание скорого Второго пришествия. Если по тексту выходит, что оно должно состояться буквально сейчас, то текст объявляется изначальным и подлинным. Но если текст предполагает, что Пришествие может состояться нескоро, то, по мнению исследователей, он был добавлен в более позднее время, зачастую именно для того, чтобы объяснить, почему Пришествие задерживается (так называемая “отложенная парусия”).

Нетрудно заметить, что такое различие совершенно субъективно и основано на уверенности исследователя, что он в точности постиг мысли и чувства “исторического Иисуса”. Но такой исследователь может быть не один, и в результате один “исторический Иисус” выходит революционером-анархистом, другой — отрешённым от мира мистиком, третий — пламенным националистом и т. д.

“Вот и Библия выступает в поддержку…”

В результате нередко получается, что значение библейского текста подвёрстывается под какую-то современную систему взглядов, которую этот текст якобы поддерживает, а то и доказывает. Этим, разумеется, широко пользуются нехристианские и околохристианские религиозные группировки (если не сказать секты), да и вообще кто угодно. Например, Притч 5:15–17 в своём контексте совершенно явно говорит о верности жене, но мне доводилось читать, как эти стихи («Пей воду из твоего водоема и текущую из твоего колодезя») цитировали в качестве доказательства сторонники уринотерапии. Логика здесь понятна: уринотерапия есть несомненное благо, значит, она должна упоминаться в Библии, а раз так, то осталось только найти, где именно. Вот эти стихи вроде бы подходят!

Если цитата не совсем подходит, её в таком случае “подправляют”. Например, Евангельское выражение блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят (Мф 5:8) выглядит у одного проповедника восточной религии так: “блаженны очищающие свою совесть, ибо они увидят себя богами”. Кстати, это толкование основано на том, что глагольная форма “узрят”, ὄψονται, дана в среднем залоге, следовательно, должна означать “узрят себя”. На самом деле просто будущее время от глагола ὁράω всегда употребляется в этом залоге, и если бы автор хотел сказать “они увидят себя”, он должен был бы выразиться иначе, например, ἑαυτοὺς ὄψονται. Но первична здесь вовсе не грамматическая ошибка, а желание интерпретировать текст в духе пантеизма, прямо скажем, чуждого Библии.

Наверное, нет христианина, который не распознает абсурдность этих построений. Но многие тем не менее сами прибегают к подобной “экзегетике”, особенно в споре, когда подбирают

подходящие цитаты в доказательство заранее заданной точки зрения, и уж тем более когда они стараются истолковать эти цитаты именно в нужном свете или заново их перевести, чтобы исключить нежелательное понимание. Часто такое происходит в межконфессиональных спорах, а в последнее время подобный ход нередко совершается ради политкорректности. Например, всё большее распространение получают переводы, в которых слово “иудеи” в Евангелиях переводится как “иудейские духовные вожди” — это делается для того, чтобы в духе борьбы с антисемитизмом исключить толкования, возлагающие на весь еврейский народ ответственность за отвержение и распятие Иисуса. Наиболее радикальные на сегодняшний день примеры связаны с оправданием гомосексуализма, который в Библии недвусмысленно порицается. Все осуждающие его цитаты соответственным образом перетолковываются, а заповедь “не прелюбодействуй” переводится как “не нарушай верность своему партнёру”, чтобы таким образом включить в неё гомосексуальные пары. Дело доходит до того, что геями объявляются, например, друзья Давид и Ионафан (и это ещё не самый шокирующий вариант).

Хороши или плохи уринотерапия, пантеизм или гомосексуализм, допустимы ли они для христиан — вопросы отдельные, и мы сейчас совершенно не будем их касаться. Но беспристрастный экзегетический анализ покажет, что в Библии ни единого слова нельзя найти в их поддержку.

Как нетрудно увидеть, нередко ошибка проистекает из простого желания экзегета любой ценой поддержать и оправдать то, что ему мило, или из естественного стремления взять первое пришедшее в голову решение и объявить его окончательным. Поэтому, действительно, одна из основных необходимых ему черт — готовность постоянно удивляться вечно новому и непредсказуемому Священному Писанию.

Альфа и омега, 2009, № 3 (56), сс. 13-24.